

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ СМЫСЛА СЛОВА МИШЕЛЯ БРЕАЛЯ И ГЕРМАНА ПАУЛЯ

Лариса АФАНАСЬЕВА (Днепропетровск, Украина)

В наш час актуальною проблемою мовознавства є вивчення та класифікація лексико-семантичного кола як найменш дослідженої лексичної одиниці. У контексті даної теми одним із значимих моментів виступає психологічна концепція розуміння змісту слова як такого на прикладі таких відомих лінгвістів як М.Бреаль і Г.Пауль. Дослідження їхніх концепцій сприяє більш глибокому та детальному розумінню даної проблеми та суті самого поняття «слово».

Ключові слова: семантика, значення, механізм, різноманітність, психологічний, характеризувати, методологічна ідея, розуміння, мовний закон, удосконалення, комунікація.

В настоящее время актуальной проблемой языкознания является изучение и классификация лексико-семантического поля как наименее исследованной лексической единицы. В контексте этой темы одним из ключевых моментов является психологическая концепция понимания смысла слова как такового на примере точек зрения таких известных лингвистов как М.Бреаль и Г.Пауль. Рассмотрение их концепций приводит к более глубокому и детальному пониманию данной проблемы и самого понятия «слово».

Ключевые слова: семантика, значение, механизм, разнообразие, психологический, характеризовать, методологическая идея, понимание, языковой закон, усовершенствование, коммуникация.

Nowadays study and classification of the lexical-semantic field as a less learnt lexical item is an urgent linguistic problem. In the context of this topic one of the key points is the psychological concept of understanding the meaning of the word itself on the example of perspectives such as the well-known linguists and M.Breal G.Paul. The consideration of their concepts leads to a deeper and more detailed understanding of the problem and the notion "word".

Key words: semantics, meaning, mechanism, variety, psychological, characterize, methodological idea, understanding, language law, improvement, communication.

Семантика лінгвістически цінна в тому сенсі, що вона хронологічно класифікує значення в інтересах лексикографії, і записує закони семантичного зміни в інтересах етимології. Однак, через те, що вона виводить ці закони з природи розуму, і що вона пише історію ідей - сенс це і є ідеї - він потрапляє в сферу емпіричної психології. [3, с. 5]. Так визначає роль і цінність семантики як розділу мовознавства відомий німецький лінгвіст 19-го століття Макс Хьют.

Ця цитата виявляється дуже важливою, коли ми описуємо перехід від історико-філологічної до структуралістської семантики. А також ця цитата

прекрасно указывает на тот факт, что диахроническая семантика связана с классификацией механизмов семантического изменения, то есть с деятельностью, которая связана с лексикографией с одной стороны, и исторической лингвистикой с другой стороны.

В то же время, цитата М. Хечта вводит дополнительный подход, который предполагает психологическую концепцию смысла, в котором изучаемые лингвистические явления рассматриваются как выявление характеристик человеческого ума. Эти две точки зрения на самом деле разграничивают область историко-филологической семантики. С одной стороны, это производит богатство систем для классификации семантических изменений. С другой стороны, это приводит к тщательному размышлению о природе семантических фактов.

Что касается определения психологической ориентации историко-филологической семантики, должны быть сделаны три шага. Во-первых, нужно ввести общие характеристики подхода на основе работы французского лингвиста Мишеля Бреалья. Далее следует рассмотреть очень важное дополнение к психологическому подходу, сформулированное немецким лингвистом Германом Паулем, который подчеркивает важность контекста и практического использования для объяснения семантических изменений. Это не случайно, кстати, что мы ориентируемся на Бреалья и Пауля. Франция и Германия были доминирующими странами в период развития лексической семантики, и Бреаль и Пауль были корифеями в рамках этих национальных традиций.

Теперь, для начала, мы можем охарактеризовать общую методологическую и теоретическую картину психологически ориентированного историко-филологического подхода. Есть *три характерные особенности*, которые мы проиллюстрируем из цитаты Бреалья, потому что его весьма влиятельная работа четко выражает основные методологические идеи. Эти три характеристики, перечисленные здесь, не обязательно должны одновременно присутствовать во всех работах, относящихся к историко-

филологической эпохе. Они, тем не менее, адекватно характеризуют основную методологическую перспективу, которая разделяется большинством семантических исследований в этот период.

Во-первых, это вряд ли может стать неожиданностью, после того, что мы видели в предыдущем параграфе, что семантика определяется как историческая дисциплина. Уже на первой странице в *“Essai de semantique”* Бреалья диахроническая ориентация семантики обозначается как интуитивно очевидная суть дела: «Если ограничиться изучением изменений гласных и согласных звуков, эта дисциплина сводится к таким второстепенным разделам как акустика и физиология; если человек просто перечисляет потери, понесенные грамматическим механизмом, он создает иллюзию строительства в руинах; если прячется за расплывчатые теории о происхождении языков, он добавляет, без особой прибыли, главу в истории систем. Существует, как мне кажется, что-то еще, что нужно сделать [...] Языкознание говорит человеку о нем самом: оно показывает, как он построил, как он усовершенствовал, преодолевая трудности всякого рода, несмотря на неизбежную инерцию, несмотря даже на временные отступления, наиболее незаменимый инструмент цивилизации» [1, с. 1-3]. Поэтому можно сделать вывод, что есть случаи, когда адекватное понимание слов в их современном разумении требует глубокого знания их семантической истории.

Во-вторых, Бреаль подчеркивает психологическую направленность изучения смысла (значения). Есть на самом деле два аспекта: лингвистическое значение в целом определяется как психологический феномен, и, более конкретно, изменение значения является результатом психологических процессов. Что касается первого признака, значения считаются психологическими сущностями, т.е. (виды) мыслей или идей. Согласно мнению Бреалья, язык делает мысль объективной. Психическое состояние лексических значений связано непосредственно с общей функцией мышления, то есть с функцией познания как отражения и реконструкции опыта. Язык, можно сказать, имеет отношение к категоризации: он хранит когнитивные категории, с

помощью которых мир имеет смысл для людей. В данном случае, огласно мнению Бреалья, язык представляет собой перевод реальности, перестановка, в которой отдельные объекты появляются только после обобщения и попыток мысленных классификаций [1, с. 275]. Значит, язык не автономен, а связан с общим набором познавательных способностей, которые позволяют людям понять мир с помощью более утонченных концептуальных инструментов, и он встроен в их опыт мира.

Если смысл как таковой состоит из когнитивных категорий - психологического типа сущности - то это означает, что изменения должны быть результатом психологических процессов. То есть, общие механизмы семантического изменения, которые могут быть получены путем классификационного изучения истории слов, составляют образ мыслей человеческого разума. Бреаль называет эти механизмы «концептуальные законы языка». Но также он спешит добавить, что «закон» означает нечто иное, чем в естественных науках. По его мнению, закон семантических изменений не является строгим правилом без исключений, а представляет собой тенденцию функционирования человеческого когнитивного аппарата определенным образом. В отрывке, который выступает против ограничения изучения лингвистикой формальных аспектов языка он пишет:

«Мы не сомневаемся, что лингвистика, отказавшись от своих парадоксальных предрассудков, даст более справедливое обращение с первичным силам в языках, т.е. к нам самим и к человеческому интеллекту. Таинственное преобразование, которое заставило французский расти из латыни (так же как и персидский из языка Авесты и английский из англо-саксонского), и которе повсюду демонстрирует замечательный набор сходств и параллелей в отношении предметов первой необходимости, не просто продукт распада звуков и изнашивания окончаний. За этими явлениями, в которых все, кажется, говорит о распаде, мы чувствуем активные усилия человеческой мысли освободиться от формы, в которой она сжата, пытаясь изменить ее, и очень

часто обращается к своему преимуществу, что на первый взгляд, кажется, просто потерей и разрушением. Ум движется материя» [1, с. 338-9].

Движущая сила человеческого разума проявляется также в том, что основным фактором, который приводит психологические механизмы семантического изменения в действие, является потребность пользователя языка в коммуникации. Языки изменяются, потому что люди пытаются выразить свои мысли настолько точно и удовлетворительно, насколько это возможно [1, с. 8].

Психологическая ориентация семантики имеет методологические последствия. Это является третьей основной особенностью историко-филологического подхода. В следующей цитате, Бреаль не просто повторяет точку зрения, что семантика является исторической наукой, но у него есть, что сказать о том, каким образом этот научный проект реализуется на практике [1, с. 278].

Хотя Бреаль не упоминает слово как таковое, семантика, как он описывает ее здесь, является герменевтической дисциплиной в смысле немецкого философа Вильгельма Дильтея. Очевидно, что естественные науки также изучают исторические процессы (как в геологии или изучении биологической эволюции), и именно поэтому разницу между естественными и гуманитарным наукам, которая упомянута в цитате, следует искать на методологическом уровне, а не на уровне предмета обоих подходов. Различие сделанное Бреалем, вероятно, относится к теории Дильтея, чьи взгляды на отношения между естественными и гуманитарными науками были широко популярны в конце 19-го века (см, например, Дильтей 1910) [2, с. 186].

Методологическая независимость гуманитарных наук по отношению к естественным наукам заключается в том, что они пытаются понять, с помощью эмпатического процесса интерпретации (понимания или восприятия), культурные формы выражения, в которые люди вложили их опыт восприятия мира на протяжении всей истории. Короче говоря, если мы возьмем Бреаля в качестве отправной точки, историко-филологическая семантика

характеризуется акцентом на динамизме языка, с помощью когнитивной и психологической концепциями смысла, и с помощью методологии толкования. Но как подход Бреалья связан с коллективной стороной языка? На этот вопрос нам дает ответ мнение о семантике Германа Пауля.

Если сосредоточить внимание на отдельных творческих актах, которые новаторски изменяют язык, что именно взаимодействует с «языком», учитывая, что язык это действительно нечто большее, чем чисто индивидуальное явление? Как инновационное индивидуальное поведение относится к языку как общему явлению? Спецификация психологической концепции семантики Германа Пауля, к которой мы сейчас переходим, дает точный ответ на этот вопрос.

Первый компонент подхода Пауля предполагает различие между "обычным" и "случайным" значением выражения. Обычное значение является общепринятым членами языкового сообщества значением. Случайное значение включает в себя модуляции (вариации), которые обычное значение может претерпеть в реальной речи [4, с.75].

Г. Пауль пишет, что под «обычным значением» мы понимаем общее репрезентативное содержание, которое связано со словом для любого члена речевого сообщества. Под «случайным значением» мы понимаем репрезентативное содержание, которое собеседник ассоциирует со словом, когда он его использует, и которое, по его ожиданию, слушающий также связывает с этим словом.

Если обычное значение подобно семантическому описанию, которое будет записано в словаре (достаточно общее и известное всем носителям языка), то случайное значение является конкретизацией общего концепта (понятия) в контексте конкретного высказывания. Вторым компонентом концепции семантики Пауля является понимание того, что контекст имеет первостепенное значение для понимания перехода от обычного к случайному значению. Мы можем легко оценить этот момент, если мы посмотрим на целый

ряд различных типов случайного значения, и на то, каким образом они возникают из обычного значения.

Прежде всего следует отметить, что могут существовать различные обычные значения какого-либо слова. Если слово многозначно, обычное значение включает в себя набор родственных значений, скопление различных устоявшихся общепризнанных чувств/понятий. Случайный смысл, с другой стороны, всегда однозначен. Во многих случаях, однако, понимание случайного смысла сводится к выбору подходящего прочтения из числа нескольких установленных смыслов слова. Пауль подчеркивает важность контекста в этом процессе. Например, слово «лист» будет интерпретировано по-разному в контексте книжного магазина и в контексте прогулки в лесу: "лист бумаги" в первом случае и «лист» в последнем.

В других случаях контекстуализация обычного смысла включает в себя не только выбор одного значения из числа многих существующих, но и конкретную спецификацию одного более общего значения. Слово «зерно» (“corn”), например, раньше было широким термином, включающим в себя все виды зерна, но по-разному специализировалось в разных странах, в зависимости от доминирующего объема зерна, выращенного в каждой из этих стран, а именно: как «пшеница» в Англии, «овес» в Шотландии, и «кукуруза» в Соединенных Штатах,. Опять же, это тот контекст использования, который вызывает специализированный смысл.

Наконец, есть случаи, в которых контекстуализированное значение («случайное значение») не содержит все признаки обычного значения. В метафорическом выражении типа “the fire of passion” (огонь страсти), сочетание «огня» со «страстью», сигнализирует, что «огонь» не может быть принят в его первоначальном значении.

Итак, мы видим, как взаимодействие контекстных условий и обычных значений может приводить к появлению случайных значений. Но как насчет обратного процесса? Как может иногда случайное значение порождать обычное значение? Третий компонент концепции Пауля состоит из диалектической

взаимосвязи между структурой языка и его использованием: случайные значения, которые используются очень часто сами по себе могут стать обычным, т.е. они могут приобрести самостоятельный статус. Поэтому, с одной стороны, обычные значения являются основой для получения случайных значений, а с другой стороны, случайные значения могут стать обычными значениями вне контекста. Ярчайшим критерием перехода от случайного до обычного уровня является возможность интерпретировать новое значение независимо друг от друга. Если слово “corn” (зерно) вызывает ассоциацию с «пшеницей» без конкретной подсказки в языковой или в неязыковой среде, то мы можем быть уверенным, что значение “пшеница” стала общепринятым.

Таким образом, Пауль развивает *прагматичную, основанную на использовании теорию семантического изменения*, в которой основой семантических изменений является переход обычных значений в случайные значения. И механизмы семантических изменений, которые лингвисты так стремятся классифицировать, по существу являются теми же самыми механизмами, которые позволяют говорящему изменять эти обычные значения.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Breal Michel. Essai de semantique: science des significations. Paris: Hachette, 1897. – 349 с.
2. Dilthey Wilhelm. Der Aufbau der geschichtlichen Welt in den Geisteswissenschaften. Berlin: Koniglichen Akademie der Wissenschaften, 1910. – 233 с.
3. Hecht Max. Die griechische Bedeutungslehre: eine Aufgabe der klassischen Philologie. Leipzig: Teubner, 1888. – 153 с.
4. Paul Hermann. Prinzipien der Sprachgeschichte. 5th edn. Halle: Niemeyer, 1920. – 423 с.
5. Webster Dictionary.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Лариса Афанасьева – преподаватель кафедры иностранных языков Днепропетровского национального университета железнодорожного транспорта (Украина).

Научные интересы: лексикология, лексикография, семиотика, прагмалингвистика.